

8 КРУГОЗОР 72

ГОВОРИТ МОСКВА!

Шуховская башня. 1922 г.; открытка, посвященная радио. 1928 г.; афиша первого радиоприемника. 1931 г.; первая звукозаписывающая передвижная станция. 1932 г.

«В нашей технике... — писал в 1922 году В. И. Ленин, — вполне осуществим... пуск в ход многих сотен приемников, которые были бы в состоянии передавать речи, доклады и лекции, делаемые в Москве, по многим сотням мест по республике».

Короткая строчка в календаре отсылает нас на полвека назад, к старту: «21 августа 1922 года в Москве начала действовать первая широкоэвещательная радиостанция».

(см. стр. 4 — 5)

Я входил в кабинет ректора Вильнюсского университета со студенческой робостью. Что значит вообще встреча с «чистым» математиком? Тут мне представлялось, как брожу я по абстрактному лесу, свисают с осей координат химерные плюсы и восьмерки, от звука шагов мультипликационно вспархивают в разграфленное небо стайки фигурных скобок и квадратных корней...

— Почему абстрактное — значит, неживое? Абстракция выросла из факта. Можно, старательно описав факт, не проникнуть в его суть. Научные же (правильные, серьезные, невздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее. Это, между прочим, денкинское замечание...

Слушаю Кубилюса и думаю, как изменило время математику. На уроках мы вписывали в менделеевскую таблицу названия и характеристики только что открытых элементов. На астрономических картах появился немалый прежде рисунок обратной стороны Луны. В лабораторной колбе развивался кощунственно отделенный от материнского чрева эмбрион. История переосмыслила пережитые народом, раз и навсегда ограниченные рамками дат события. И лишь «шифгоровы штаны» в учебнике оставались «во все стороны равны», но-прежнему квадрат числа был меньше его же куба, и таблице логарифмов не грозила никакая модернизация. А теперь, оказывается, первоклассники уже штурмуют азы али ебры, а выпускники знакомы с интегральным исчислением. И перепалана межа между угольями «чистых» и «прикладных» математиков...

Когда это началось? Когда знаменитый Чебышев, страдаемый желанием помочь России в трудной Крымской войне, отошел от великих, но не имеющих практического выхода проблем, чтобы заняться расчетом баллистики артиллерийского снаряда? Или когда кораблестроитель Крылов подвинулся над своим конструкторским поиском к открытиям в области сугубо теоретической математики? Ясно одно: сегодняшнюю технику, физику, биологию, медицину и экономику невозможно представить без математики.

Один ученый, пытаясь дать точное определение науке, которой он занимался, пошутил: «Математика — это все, чем занимаются математики». Если вдуматься, порываться в память, не такая уж это шутка. Школа академика Глушкова разрабатывает маршруты рыбного лова, опираясь не на опыт

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ГЕРОЯ *Мы и математика*

рыбаков, а на кибернетический расчет. Уникальный советский «Луноход» — во многом так называемая «чистая» математика.

Автоматические системы управления производством, участие кибернетики в технологических процессах, в планировании, а не только в накоплении информации, создание новых материалов, предвидение солнечных и демографических взрывов — все это современная математика. Решениями XXIV съезда КПСС математике отводится роль не столько инструмента в познании мира, сколько рычага для его перестройки, роль, так сказать, рабочего девятой пятилетки.

...Мы говорим с Кубилюсом, и мой абстрактный лес наполняется живыми красками, запахами, шумами. Мы говорим о его учениках, о тех, кому вышло продолжить поиск, начатый учителем, и идти дальше. Когда-то, еще в гимназии, Йонасу Кубилюсу повезло с преподавателем математики: тот любил растормошить детей вопросом не по программе, а посложнее, и вот Йонасу удалось у него решить даже задачку для студентов. Может, это простое совпадение, но...

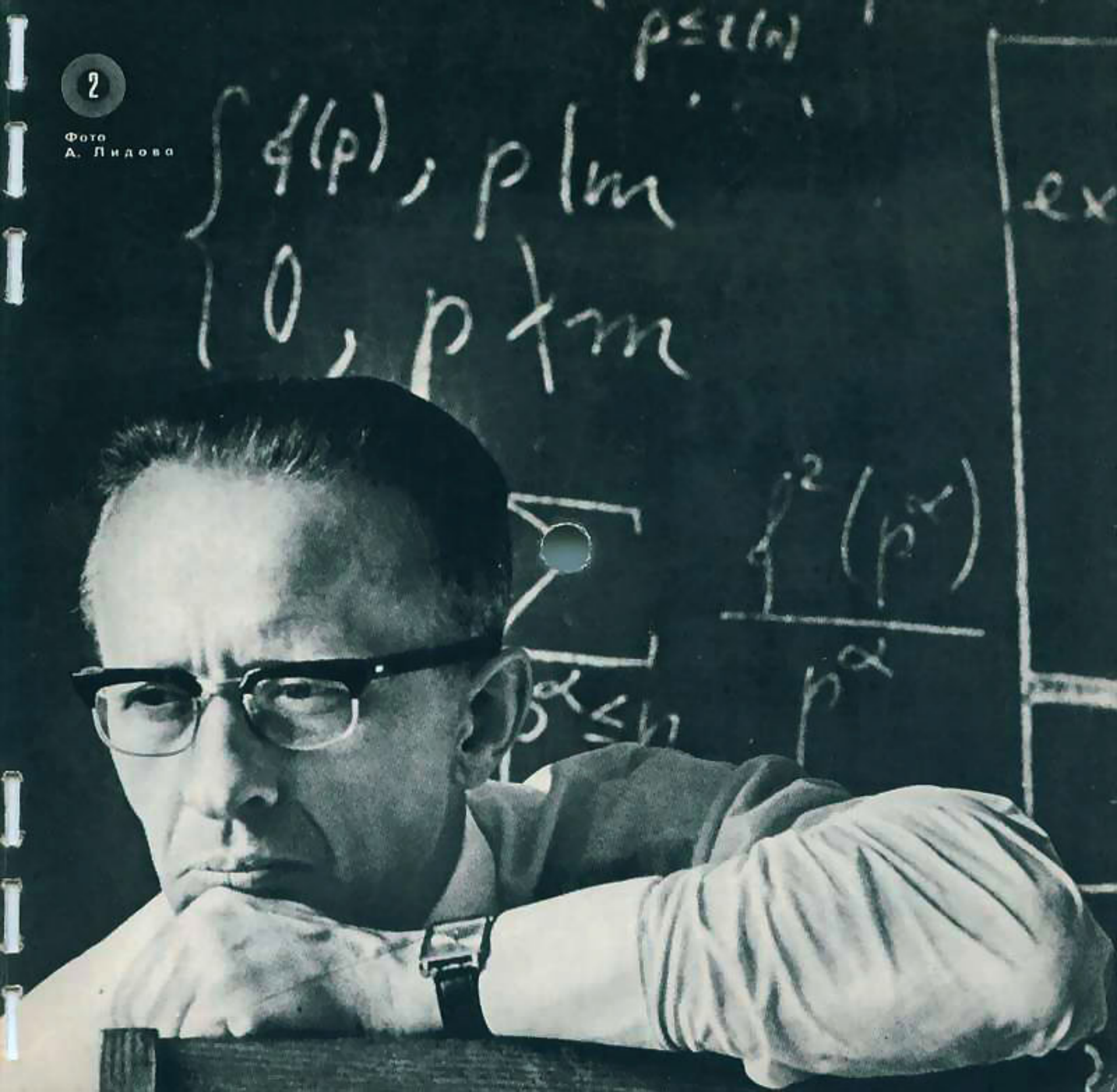
— ...Но одного из любимых своих учеников, Бронюса Григелениса, я тоже заметил в школе. На регулярных математических олимпиадах такой поиск одаренных ребят мы практикуем уже лет двидцать. Подождал, пока Бронюс окончит школу. В университете занимался с ним, готовил к аспирантуре. У него теперь свои ученики — кандидаты наук. И работают они в такой важной сегодня области, как математическая статистика и регулирование случайных процессов.

Итак, математика. А если бы не было той удачно решенной задачи?

— Ну, тогда, может, была бы литература. Меня всегда привлекала в литературе возможность не просто остановить мновение: «Ты прекрасно!» — но предугадать его, составить его предпологаемую модель. Впрочем, разве не эти же возможности предоставляет нам и математика?..

Послушайте вторую звуковую страницу. Говорит коммунист, педагог, ученый, чьим именем названо одно из математических неравенств, Герой Социалистического Труда Йонас Кубилюс.

Б. ВАХНЮК, специальный корреспондент «Кругозора»
Вильнюс

18 июля 1969 года в стороне от Мензелинского шоссе, в поле, которое лежало под парами, окруженное пространствами зреющих хлебов, комсомольцы заложили камень с надписью: «Здесь будет сооружен Камский автомобильный батыйр. 1969 — 1974».

Молодежь Союза — главный строитель КамАЗа и главный ответчик за него перед страной. Четырнадцать тысяч юношей и девушек впервые получили здесь трудовые книжки, начав названем этой славной стройки чистую еще графу: «Место работы».

На КамАЗе работают представители почти всех национальностей нашей страны. Одно из главных мест занимает молодежь Татария, для которой сооружение завода — дело фамильной, что ли, чести. Поистине символично, что автозавод строится на полях трех колхозов — «Гигант», «Родина» и «Дружба». Эти три слова как нельзя точнее выражают суть и размах стройки.

С Камского автомобильного лучше всего передавать прямые радио- и телевизионные репортажи. Только они смогут по-настоящему отразить положение дел на сно минуту. Любая статья, написанная о КамАЗе, устаревает уже к моменту ее окончания. Темп перемен на огромном строительстве так стремителен, что даже самое скорое репортерское перо не поспевает за ивыми — многотопными — «перьями», вписывающими на страницах прикамских степей важнейшую главу в книгу девятой пятилетки.

Здесь, на Каме, успешно осуществляется то, о чем можно было только мечтать в период наших первых послевоенныхстроек: город возводится одновременно с заводом, завод — одновременно с городом. Район, равный Черемушкам — этой вчерашней гордости быстрого блочного

3

МАРШРУТАМИ
ПЯТИЛЕТКИ

**КАМСКИЙ
БАТЫР**

строительства в столице и крупных городах. — сегодня возник посреди чистого поля и скромно именуется поселком. А у недалекого горизонта уже поднимаются белые паруса высотных домов — там будет создан трехсоттысячный автоград с каменными набережными. 25-этажными зданиями, стадионом и театром. Два года назад транспорта здесь было — на посевной да на уборочной. Сегодня — развилки бетонных дорог на разных уровнях, подземные переходы... Дорогостоящая романтика палаток и «буржуек» (не будем поминать их плохо, сделали они свое дело) уступила место ритму новых времен, четкой, размеренной, продуктивной рабочей жизни, хоть со спешной, но бетонной крышей над головой, с холодной и горячей водой, добываемой простым поворотом крана, с телевизором в углу и

с бельевыми веревками на лоджии. А отдача благоустроенного жилья — и морально-духовная и производственная — прямо-таки удвительна!

Камский автомобильный называли заводом, очевидно, по привычке. По существу, его следует называть так: полное собрание заводов и промышленных комплексов, предназначенных для выпуска ста пятидесяти тысяч тяжелых грузовых машин в год и четверти миллиона мощных двигателей. Свой (камский) искусственный каучук, свои шины, свое литье (которого здесь будет больше, чем на некоторых металлургических комбинатах), своя база строительной индустрии и так далее — до главного конвейера. Все сравнения — и это естественно — страдают той или иной степенью приближения к истине, но, во всяком случае, в истории Европы КамАЗ — самая крупная стройка. Десятки стран с живейшим интересом следят за сооружением автогиганта, ожидая выхода новой мощной машины на международную арену. Очень ждут тягач у нас в стране. Камазовские грузовики в основном будут использоваться в сельском хозяйстве и в труднодоступных местностях Севера, тундрной Сибири, в глубоких карьерах. В итоге эти машины обернутся новым, дополнительным хлебом, новыми стройками. Нынешняя стройка создаст машину, которая сама будет со славою стройки.

Ю. ВИЗБОР,
специальный корреспондент
«Кругозора»
Набережные Челны, ТАССР

Сегодня
на КамАЗе все
строители.
Завтра они станут
рабочими
автомобильного
гиганта —
перейдут
на конвейер,
станки,
химический
аппарат...

Фото В. Соколов

Телефонная автоматическая станция — точка, откуда ведется все переговоры КамАЗ — Страна. Здесь Юрий Визбор и записал свою песню-репортаж, которую вы услышите на третьей звуковой странице.

В наши дни слово «радио» эквивалентно слову «вездесущность». Радио первым информирует нас, просвещает и развлекает, развивает и учит.

День свой мы начинаем с утренней сводки последних известий и гимнастики. Радиосутки — это более полутора тысяч часов вещания. Если вынести все передачи на газетные столбы, получится четыреста газет большого формата.

Радио стало повседневностью и для нас и для наших внуков. Четырехлетней девочке подарили музыкальную шкатулку, она сказала: «Такое красивое радио — и не поет, а только играет». Транзисторные приемники ей привычны, как остальные предметы быта.

Мое поколение — ровесник широкоэмитальной станции — не слышало слов: «Алло, алло! Говорит Москва!» — слетевших с антенны Шуховской башни в 1922 году. Но я помню детекторный приемник, подаренный мне отцом. Его приходило слушать и наши соседи, недоверчиво принося к наушникам.

тарелки репродукторов. Но все это было позже.

Для многих Шуховская башня — деталь столичного пейзажа, не более. Но в ее металлических кружевах как бы сплелись история радио и полувековая жизнь СССР.

Из Кремля хорошо просматривалось Замоскворечье, где инженер Шухов возводил невиданную металлическую конструкцию. И Ленин, следивший за строительством, радовался, что радиобашня все выше поднималась над столицей. Покорить страну сетью радиотелефонных аппаратов, говорил Ильич, значит получить в свои

1939 год. У микрофона Московского радио строители Ферганского канала.

31 декабря 1941 года. Свердловский зал Кремля. Сейчас диктор Н. Дубравин объявит следующее выступление М. И. Калинина, и всеобщий староста подойдет к микрофону.

руки могучий, неоценимый рычаг громадного культурного, политического и революционного значения.

Через 25 дней после начала речевых радиопередач страна услышала: «Всем! Всем! Всем!».

В воскресенье, 17 сентября, в 3 часа дня на Центральной радиотелефонной станции Наркомпочтеля состоится первый концерт. В программе — русская музыка. С тех пор радио стало величайшим концертным залом, который вмещает всю страну. Радио сделало народным достоянием все богатства мировой музыкальной культуры, искусства.

8 декабря 1922 года впервые в эфире прозвучали речи Владимира Ильича, записанные на грамофонные пластинки.

«Радио — вот дальнейшее продвижение слова, лозунга, поэзии, — говорил В. Маяковский. — Счастье небольшого кружка слушавших Пушкина сейчас привалило всему миру». Поэт сам часто читал новые стихи по радио, понимая, что оно дает произведению немыслимые для печати тиражи и возможность одновременного знакомства с ним миллионов слушателей, интересующихся литературой.

Радио материализовало ленинскую мысль: «Чтобы из воли миллионов, из сотен миллионов, разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны, создать единую волю, — для этого надо создать митинг с миллионной аудиторией». В первой пятилетке возникли та-

1943 год. Жители освобожденного Смоленска слушают сводку Совинформбюро.

кие радиомитинги, собрания, переключки, посвященные актуальным вопросам жизни страны. На предприятиях, в клубах, красных уголках многие тысячи рабочих и специалистов не только слушали радиовыступления, но и активно их обсуждали. Во Всесоюзное радиособрание участников социалистического соревнования в 1929 году вслед за Москвой включились сотни городов и поселков страны. Открывал его В. Куйбышев.

Способность формировать общественное мнение сделала радио трибуной людей труда. Традиция эта существует в новых формах и в наши дни, в трудовых буднях девятой пятилетки.

1945 год. День Победы в колхозе Ленинградской области.

Нашему поколению памятливы сводки Совинформбюро, радиорепортажи с фронтов. В дни обороны и наступления возникла и протянулась живая связь между сердцами людей, разлученных войной: по радио зазвуч-

Помните, как мы собирали в школьном кружке неуклюжий ламповый приемник. Помните

1

События, вчера записанные на пленку, сегодня уже документы истории. Советские радиожурналисты гордятся своим участием в создании радиозаписи Родины: бывая на многих ударных стройках пятилеток, они запечатлевают в звуке трудовой подлин советского народа.

Появляются новые передачи, изменяется со временем характер вещания. Это продиктовано не просто заботой о разнообразии, расширении возможностей радио, это и отражение всего пути, пройденного нашим обществом.

Шуховская башня перед войной приютила рядом с собой богатейшее дитя радио — телевидение. Но радио не собирает-ся сдавать позиции.

Возможность в любое время суток услышать голос Москвы делает и сегодня радио всенародной трибуной строителей коммунизма, университетом миллионов постоянным фестивалем музыки, литературы, искусства советских республик. Послушайте первую звуковую страницу. На ней — записи, ставшие нашей историей, историей социалистической Родины. Ведет страницу один из ветеранов Московского радио, диктор Владимир Гершик.

Валентин МАНИОН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

1972 год.
На Останкинской телебашне укреплены и антенны мощнейших радиопередатчиков.

чали «Письма на фронт» и «Письма с фронта» — самая популярная после сводок Информбюро передача. Помню, с какими чувствами слушали их мы, бойцы шестьдесят четвертой армии, в Сталинграде осенью 42-го. Помню и 5 августа 43-го года. Мы только что освободили Орел и слушали, как впервые за всю войну Москва салютует победителям. А когда в эфире транслировался парад Победы, каждый из нас был мысленно там, на Красной площади.

«...Ваш корреспондент ведет репортаж...»

Римма КАЗАКОВА

Какая ночь, какая нежность!
Мерцающая тайна вни,
В виски стучится неизбежность,
и пахнет жалобно жасмин.
И непривычно слабым жестом
откидываю прядь со лба...
Есть столько детства в вечно женском,
и в этом — женская судьба.
Не в дерзости свободной воли —
в свободе предпочтения пут.
Ее исток несмелый — двою,
один наметившие путь.
На нем не поровну поделен
и труд, и хлеб, и бред ночной.
О, как он счастливо потерял,
задор мальчишеский смешной!
Благослови мою потерю
за все, о чем ты жизнь просил.
Тебе дана я, как Антею
земля, исполненная сил.
Легко не лгать и быть покорной,
по-детски губы приоткрыть,
когда в зрачках, тяжелый, черный,
всегда чреват свершеньем взрыв,
когда все добрые науки
душой затвержены не зря,
когда всегда готовы руки
бесстрашно выбрать якоря!

ЛЕТНЯЯ ЭЛЕГИЯ

Город по-летнему пылен уже.
Где она, свежесть недавняя?
!..Что в твоей летней, уставшей душе?
Где твоя белая Дания?
Гамлет, как детства поры коротка! —
оборвалось полукружие,
и холодна и спокойна рука
на рукоятки оружия.
Небо — надетый на палец опал,
солнце — короша невестина...
Гремил, ведущий Татьяну на бал,
грустно тебе или весело?
Верно ли выбрало сердце твое?
То ли в судьбе перечеркнуто?
Все ты глядишь и глядишь на нее
горестным взглядом Печорина.
Тя это женщина или не ты?
Эта? А может, не эта?!
Душная-душная духота.
Летнее-летнее лето.
Гравюра Ю. Космынино

Ян ФРЕНКЕЛЬ

Один мой приятель, имея в виду последние годы, заметил: «Время песенного изобилия».

Практически каждый день приносит нам новую песню. Суждено ей стать второй «Катюшей», «Землячкой» или жизнь ее будет не длиннее разового звучания в эфире — покажет время. Время прояснит, достойна ли называться песней написанная на определенные слова музыка, смог ли родиться из сплава стихов и мелодий новый, убедительный образ, продиктованный временем и достойный его.

Он очень труден, этот песенный жанр, который мы по странной привычке именуем «легким». Мало даже врожденного чувства мелодии и ритма: композитору-песеннику требуется в работе настоящая, профессиональная техника.

Композитор Д. Тухманов владеет ею в совершенстве. Он окончил композиторское отделение музыкального института имени Гнесиных, и первые его успехи в композиции связаны, насколько я знаю, не с песней, а с «серьезной», классической музыкой. Знакомство с поэтами-песенниками немало способствовало тому, что Тухманов обратился к новому для себя жанру.

Композитор сделал выбор. Его песни охотно поют в концертах, с удовольствием слушают. Гражданственные и одновременно лирические «Россию», «Если я заболел», «Песня о Москве» на стихи М. Ножкина, Я. Смелякова, Б. Дубровина были отмечены недавно премией Московского комсомола.

интонация

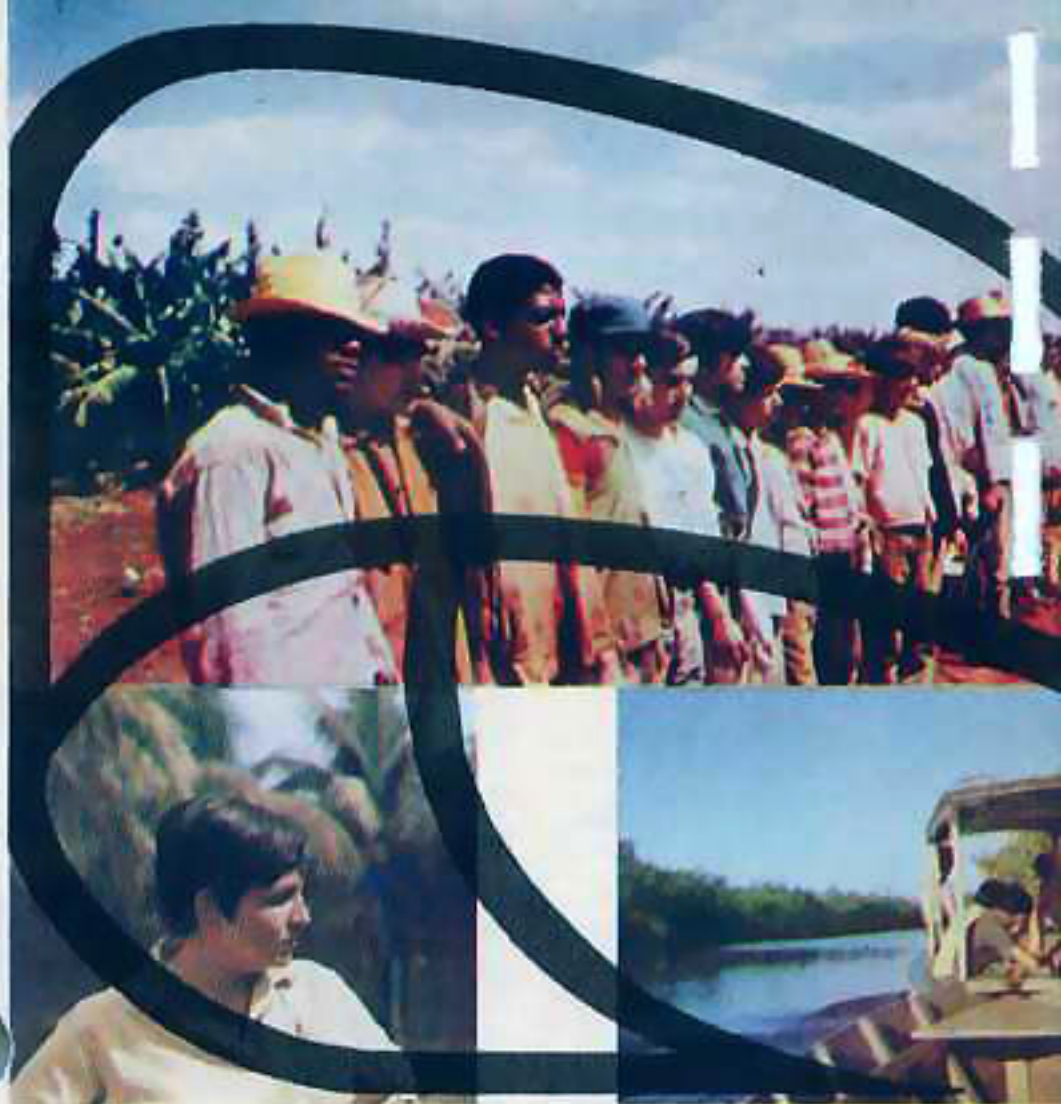
вре ме ни

9

МОЯ
ПРОФЕССИЯ —
ПЕСНЯ

И вот что еще интересно: вы слушаете «Песню о Москве» и вдруг ловите себя на мысли, что эта интонация как будто вам знакома, словно уже однажды ощущали ее в себе. Что это — случайность, совпадение? Это удача композитора. В его музыке — интонация, созданная не одним человеком и не в одно мгновение, а временем и всеми. Услышать такую «интонацию времени» — значит написать песню, нужную людям.

На звуковой странице песни Д. Тухманова на стихи Б. Дубровина и В. Харитоновича в исполнении Г. Пеняшиной и Ю. Антонова.

«АН-24», завершающий рейс по маршруту Гавана — Нуэва-Херона, делает глубокий вираж, шум двигателей становится глуше, и уже через несколько минут я слышу из аэропортовской динамика:

«Говорит радио Острова Молодости...»

Позже нам объяснили, что из 30 тысяч жителей Пиноса почти две трети — молодежь. Обиходное «Остров Молодости» как-то само собой узаконилось, вошло в позывные местной радиостанции.

...Кто из нас не читал в детстве романа Стівенсона «Остров сокровищ» или не видел одноименного фильма (теперь уже в двух редакциях)? На Пиносе же многие всерьез убеждены, что анлийские, фран-

цузские, голландские и португальские «джентльмены удач» — пираты и корсары — прятали сундучки с золотом в бесчисленных пещерах именно этого острова.

Природные сокровища Пиноса начали осваиваться лишь в годы революционной власти после 1959 года.

Остров ссылки, в тюрьме которого в разное время томилась славные патриоты Кубы Хосе Марти и Фидель Кастро Рус, стал местом, на котором молодежь из Колонны столетия ставит опыты по превращению запущенных земель в цветущий сад.

Пинос сегодня — это плотины и обводненные плантации, кокосовые орехи и цитрусовые, бананы и ананасы. Гели отира-

Фото автора

ОСТРОВ

СО

КРО

ВИЩ

виться в путешествие по острову, но бывшим владениям богатого скотовода Гойю, о котором народ говорил: «Когда над Пиносом идет дождь, он всегда падает на землю Гойю», — то можно увидеть стройные ряды животноводческих ферм национального питомника зебу, аккуратные поселки тракторных бригад, вереницы рыбацких коттеджей. Новое время принесло на остров новые профессии — геолог, взрывник, шофер, дорожник. Сесилию Гонсалес, директор школы, которая называется «Авангард Гаваны», рассказывает: «В такой школе я очень хотел работать. Желающих было много, и я, конечно, обрадовался назначению. Молодым правится, когда им доверяют

серьезную работу. Но некоторым нашим ученикам пришлось нелегко. Сельское хозяйство для городских ребят — вещь непривычная. Сейчас уже втянулись. И многие хотят тут остаться. Одни подумывают поступить в техникум, готовящий специалистов-цитрусю в о д о в, другие — в гидротехнический, и все это здесь же, на Пиносе. Часть, конечно, вернется в Гавану и выберет себе другие профессии. Но мы и не ставим себе задачу всех учеников сделать цитрусюводцами. Главное — кем бы они ни стали впоследствии, они не забудут трудовой закалки, спаянности, коллективизма — всего, чему научились в школе».

«АН-24» ждал нас в аэропорту Нуэва-Херона. Благодаря

авиации Пинос, входящий в состав провинции Гавана, стал к ней намного ближе — расстояние до столицы самолет покрывает за полчаса. Впрочем, теперь Пинос ближе не только к Гаване: мы встречались здесь с нашими соотечественниками, помогающими молодым кубинцам преобразовывать жизнь на острове.

В. ТАМАРИН,
корреспондент
радиостанции «Юность»
Гавана — Москва

Открытый Колумбом в 1494 году, Пинос живет сегодня новой жизнью, новыми мелодиями. На десятой звуковой странице — кубинские песни и ритмы в исполнении дуэта Лос Компаньес, О. Портвондо и оркестра.

Это была музыкальная телепередача. Актер, легко и естественно двигаясь по сцене-пятачку, так же легко и естественно, точно ведя непринужденный разговор, исполнил знаменитую песенку герцога Мантуанского. Эту сцену сменила другая, и на телеэкране замечается в отчаянии обезумевший от горя Фредерико из «Арлезианки» Чилеа, затем пуччиниевский Каварадосси...

Сначала мне показалось, что это очень удачно подобранный драматический актер играет оперные сцены под фонограмму Виргилиуса Норейки. Но зрительная память восстановила облик молодого человека, виденного мной на одной из концертных площадок VI Всемирного фестиваля молодежи в Москве в 1957 году. Тогда Виргилиус Нореика был отмечен дипломом первой степени и золотой медалью фестиваля за исполнение народных песен.

Тогда же первым в своей жизни интервью и рассказала радиослушателям о студенте Вильнюсской консерватории. А он, возможно, тоже в первом своем интервью, рассказывал о себе. Играл в школьном духовом оркестре. Решил стать трубачом, пошел учиться в Вильнюсское музыкальное училище. Но вскоре перевелся на дирижерско-хоровое отделение и... выступил солистом хора.

Первые рецензии на дебют Виргилиуса Норейки в партии Ленского в Вильнюсской опере. Рецензент отмечает приятный тембр небольшого (5) лирического тенора певца и сетует на некоторую скованность его движений. Как странно читать это сейчас, когда уже знаешь об овации, устроенной в 1965 году оркестрантами знаменитого «Ла Скала» стажеру театра Виргилиусу Нореике. Он выступал тогда в партии Пинкертона («Чио-Чио-сан» Пуччини). У оркестра «Ла Скала» существует традиция прекращать

границ таланта

игру и стуком отвергать кандидатуру певца либо приветствовать его аплодисментами. Когда шел Нореика, оркестр прекратил игру... и устроил овацию.

Голос Норейки обладает всеми лучшими чертами итальянского бельканто. От былой скованности певца на сцене не осталось и следа. Перед вами умный драматический актер, пластичный и легкий, необычайно темпераментный, быть может, порой даже чрезмерно.

Он отличный партнер в спектакле. Часто вместе с Виргилиусом Нореикой выступает Тамара Синявская. Мне показалось любопытным одно ее замечание о том, что очень важно, когда у партнера живые глаза, в которых видишь отклик на собственные переживания. У Норейки, по ее мнению, именно такие глаза.

Нореика — Ленский лиричен, мягок, поэтичен. Совсем иной он в партии Владимира Игоревича («Князь Игорь» Бородин). Мужественный, пылкий, он заразил своим темпераментом Кошмакову — Синявскую настолько, что их знаменитый дуэт стал одной из лучших сцен оперы. Синявская рассказывала, что им чуть не пришлось бисировать этот дуэт на сцене парижской «Гранд-опера» во время гастролей ГАБТа во Франции, настолько горячо приняла его публика.

С не меньшим успехом выступает Виргилиус Нореика в камерных концертах. Романы Глинка и Грига, циклы Шумана, песни Шуберта... Здесь у певца нет партнера, отсутствует многотембровое оркестровое сопровождение. Все построено на точном опущении музыкальной фразы, слова. В опере певец пользуется крупными, яркими мазками большого полотна, в романсах — прозрачными штрихами акварельной миниатюры. Вы сможете почувствовать эту разницу, услышав на восьмой звуковой странице нашего журнала в исполнении Виргилиуса Норейки романс Шереметьева на стихи Пушкина «Я вас любил» и арию Каварадосси из оперы Пуччини «Тоска».

УЛИЦА ИМЕНИ БЕРЕСТА

Я прошел по этой улице дважды. От начала до конца метров 450 — 500, не больше. Посмотришь мысленно на город сверху, она — что линия на ладони — только началась и уже оборвалась...

Обычная улица. Таких немало в большом городе. Звонят о ней те, кто живет здесь; почтальон, исходящий вдоль этих домишек не один километр; прохожий, чей путь, каждый день пролетает к проходной «Ростсельмаша», да, может, еще какой-нибудь дотошный таксист...

Когда и где положено начало улице имени Береста? В апреле 1945 года на Королевской площади, известной всем больше под названием Кенигсплац? А может, она началась в тот ноябрьский вечер от сельмашевского полустанка, где Берест сделал свой последний шаг? Или истоки этой улицы были еще раньше в характере человека, чье имя носит она теперь?.. Мы часто встречались с Берестом. Сживали у него дома на тихой Росейской улице, рассматривали старые газетные вырезки, фотографии. Он раскладывал передо мной свои реликвии и неловко улыбался. Я хорошо помню эти фотографии. На снимках, сделанных в ту памятную весну сорок пятого, суровый и весь законченный, он выглядит гораздо старше двадцати. Война делала людей старше... До сих пор слышу неторопливый, чуть глуховатый голос Алексея Прокопьевича, его рассказы о последнем штурме рейхстага.

В радиостудии во время записи Берест порой умолкал, уходил в себя. Что виделось ему в те минуты? Вся ли его жизнь? Самые яркие ли ее штрихи? Он говорил: «Пишите», — а рассказывать стеснялся. Волновался, просил остановить магнитофон. Минуту-другую молчал. И опять вспыхивало табло: «Внимание! Микрофон включен!» К сожалению, не сохранились эти записи...

Мы встречались с ним и в сталелитейном цехе завода «Ростсельмаш». Любо было смотреть на работу Береста, на его несуетные, но быстрые движения. Работал он торжественно, как умеют делать это люди могучего телосложения. И огромный, грохочущий цех, где гремясь под мощными переплетами ферм, не мог поглотить Береста. Его богатырская фигура сразу бросалась в глаза...

Я видел его, когда отмечалось двадцатилетие нашей великой Победы. Весь Росток высыпал на улицы. Счастливы был в тот день Берест. Он надел новый костюм, аккуратно прикрепил награды — три ордена и четыре медали.

Мы шли по весеннему, цветущему городу. Какое-то давно забытое чувство вдруг вернулось к людям и осветило их лица. Это чем-то напоминало весну сорок пятого. Шли поседевшие солдаты Великой Отечественной и их молодые сыновья. На улице был праздник, а улыбки сменялись слезами. Плакали матери, плакали, встречаясь, фронтовые друзья. Берест шел по праздничному городу и улыбался. Удивительная была у него улыбка — добрая, открытая. Незабываемая.

В тот ослепительно светлый день мы купили охапку темно-лиловой сирени и пошли к братской могиле. Берест смущался цветов. Его огромные, потемневшие рупницы больше привыкли к металлу, а тут хрупкая, живая сирень. Он шел и все вспоминал, что в Берлине тогда было очень много сирени... А на центральной улице, шумливой, нарядной, гремели марши, и солнце трожало в трубах...

Никогда не думал, что в такую же весеннюю пору мне придется идти по улице имени Алексея Береста. Улице, короткой, как и его жизнь.

Еще тополя не выпускали сережки, еще только вздулись почки на деревьях. Наступала весна. Подыхал асфальт. Молодые матери, совсем еще девчонки, подставляли солнцу закутанных в одеяла младенцев. Вырастут мальчишки, будут гонять по этой улочке желтый футбольный мяч, пойдут в школу и прочтут по слогам: «У-ли-ца и-ме-ни Бе-ре-ста». Кто он, Берест? Дайте им послушать четвертую звуковую страницу нашего журнала.

Об Алексее Бересте рассказывают те, кто вместе с ним защищал Родину, и те, кто работал с ним на «Ростсельмаше», и свидетели его последнего полвига. Пусть мальчишки и девчонки, их отцы и матери узнают, как воевал, работал и умер солдат Алексей Берест.

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент «Кругозора»

Фото автора

Антонос ВЕНЦЛОВА

ВЕЧЕРНИЙ ГОРОДОК

Длиннее стали вечера,
Но звезды высыпают густо.
Во мгле сверкает колдовски
Любое деревце и кустик.
Все пестро. Спящий городок
Цвета меняет то и дело.
Вот этот клен уже не желт, —
Как в яшаре, вдруг побелел он.
Вихрь налетевший рвет листву
И мчит ее по тротуару.
Не правда ль, это на метель
Похоже? Даже тибко стало.
Свежо дыхание городка,
Лежашего во тьме цветастой.
Повсюду астры. И луна
Над ним висит огромной астрой.
Отяжелевший сад порой
Тебе антоновку протянет.
Год яблочный. Срываи и ешь.
Никто к ответу не прыгнет.
Не спит шоссе. Возле него
Бессонны все холмы, овраги.
Летит машина. Впереди —
Зайчоика в дамчатой сермге.
Шумит проглаженный гудрон
Между обрывистых обочин.
Встревожен постоянно он,
В любое время озабочен.
Его летище огни
Не гаснут, не достигнув цели.
Тебя увлечь смогли они —
Всю ночь перед тобой летели.

РАССВЕТ

Росою обрастают травы.
Кой-где виднеются стога.
Над ними месяца рога,
Словно бесовские, лукавы.
Звучит коротенькая трель,
И снова тишина струится.
Проснувшаяся ль это птица,
Пастушеская ли свирель?..
Густеет мгла. С минутой каждой
Тончают звездные лучи.

Гравюры Ю. Космынина

Но все уже сейчас в ночи
Необязательно, неважно...
Пожалуй, только светлячок
Не верит, что рассвет начнется.
О полуночниках печется,
Во тьму вперяя свой зрачок.
Однако ж постепенно меркнет
И луч живого фонаря...
Но что там? Кажется — зоря!
И сразу вздрагивает сердце!
Глядите-ка скорей! Вдали
Она каскадом грандиозным
Забилла там, над горизонтом,
За окончанностью земли!
Скорей! Должны вы окунуться
В неповторимый этот миг!
Всегда он внове, точно лик
Дополнищеинего искусства!

ПРОГУЛКА

В саду сирень, словно гора, —
Сегодня выше, чем вчера.
А солнце, как фонтан, забило
И все дорожки затопило...
Иду сквозь волны облаков
Вдоль пестрых, радужных лугов.
Они сверкают и лучатся.
И делятся излишком счастья...
Здесь начинаются поля.
Стоят, как башни, тополя.
В листве все время ветер визнет —
Она то вспыхнет, то погаснет...
А дальше — вишни над прудом,
Охваченные белым сном,
И ливни — белее ваты,
А лебеди — чуть розоваты...
Мир, озаренный изнутри,
Еще светлей в лучах зари.
Все радостным и ясным стало.
И это только лишь начало...

На кресле у рояля лежали ландыши. Ван Клиберн осторожно положил их на пол, сел, устроился поудобнее. Из зала увидели, как под сплетениями пальцев скрылась чуть ли не треть клавиатуры. Это заметили сразу. Незаметным был, пожалуй, сам момент начала музыки. Рубинштейновская, по рассказам, манера — взяв первую ноту, Клиберн продолжал играть то, что уже звучало в нем, когда он тронул ландыши.

Без красной строки он играл и «тогда» — в пятьдесят восьмом, утром второго апреля. После спокойного, почти протокольного Баха он вот так же, неслышно, восемью нотами отворил заросшую виноградом решетку, и мы сорвались с места, побежали по игрушечным аллеям моцартовской Десятой до-мажорной сонаты, подставляя лицо фонтанным брызгам и жмурясь от удовольствия.

На самом деле мы никуда не бежали, и глаза наши были широко открыты. Не отрываясь, мы глядели на человека за роялем, который, точно вызывая из памяти давно забытое, прикрыл веки и очнулся лишь от взрыва аплодисментов. Публика очнулась мгновением раньше.

После этой сонаты было многое. Внезапно засиявшее имя. Межконтинентальная, измеряемая, вероятно, одними только километрами известность. Но главным было и осталось то моцартовское дыхание ребенка. Изменчивое, оно отрывисто убыстрялось в нервном мовологе — каленции первой части концерта Чайковского — или, замедляясь, отмеривало накатывающие волны в адажио рахманиновского Второго. Но оно всегда сообщало игре Клиберна почти беззащитную наивность. И его неосознанное бесстрашие у края пропасти захватывало дух.

И вот прошли годы. «Земную жизнь пройдя до половины...» Вану Клиберну сейчас тридцать восемь лет. Данте, начавшему «Комедию» путешествие вслед Вергилиевой тени, было сорок два. Моцарту «Реквиема» — тридцать шесть...

Когда четырнадцать лет спустя после первой встречи в городе его жизненного поворота — Москве (опустим три «промежуточных» приезда американского пианиста; они не дают ощущения времени) мы

Перевел с литовского Л. Миль

ПОСЛЕ
ДОЛГОГО
ОТ
СУТ
СТВИЯ

1

снова увидели и услышали Клиберна, то всех, видимо, занимало, в сущности, одно: «Тот же ли он, что и тогда?» Однозначным ответ быть не может. Несомненно, мы увидели нового и все же прежнего поэтичнейшего Клиберна, то уверенно простирающего руки над покорным инструментом, то импровизатора, будто ошупывающего клавиатуру жестом незрячего. И всегда музыканта — скульптора, лепщика, доведшего звуковое искусство до степени осязаемости.

Он неохотно покидает круг взятых им когда-то в дорогу сочинений. И в этом смысле в нем, профессионале, есть что-то и от потрясенного музыкой дилетанта с его немногими «вечно любимыми» вещами.

Клиберн — всегда частичка собственной публики с ее страстями и порой даже изысками. Об одном из них, едва заметном, однажды осторожно высказался покойный Г. Г. Нейгауз. Он сослался на антрактное тои своего знакомого, некоего «злого старичка», обронившего: «Если бы в гениальном даровании Клиберна отсутствовал тот миллиграмм безупречного вкуса, которым он обладает, у него не было бы того феноменального успеха, который ему всюду сопутствует».

— Сентиментальность? — словно по интуиции уловив аспект темы, переспросил меня Клиберн. — Думаю, что несентиментальные люди не обладают и чувством. Им неведомо это. Но я не могу себе представить, чтобы человек вышел играть произведение, которое не вызывало бы у него сильных эмоций. Поэтому слову «сентиментальный» я придаю лишь значение «испытывающий сильное чувство по отношению к чему-либо»...

Правда, Г. Г. Нейгауз выражал надежду, что «публика, в особенности дамы и девушки, а также все поклонники Клиберна», к которым принадлежал и сам Генрих Густавович, «простят «злому старичку» его афоризм...» Но, кто знает, быть может, человек, оставивший ландыши у рояля, и есть тот самый мифический и реальный, вечный «злой старичок»?

Артем ГАЛЬПЕРИН

Фото О. Макарова

*Маленькая повесть дней Чайковского
«Как был куплен лес»
относится
к тому периоду жизни
великого русского композитора,
когда он работал
над Четвертой симфонией.
Эту симфонию он посвятил
«милому другу»
Надежде Филаретовне фон Мекк.
В описываемое время
отношения Чайковского и фон Мекк
осложнились
его внезапной,
трагически неудачной женитьбой.
О Надежде Филаретовне
писалось много напраслины,
мне хотелось
показать истинный образ
этой незаурядной женщины,
сыгравшей
такую большую и добрую роль
в нелегкой жизни композитора.
Надежда Филаретовна
заслуживает
пристального, благожелательного
внимания
еще и потому,
что переписка ее с Чайковским
принадлежит к вершинам
эпистолярного жанра.*

...Петр Ильич, милый друг, что же вы сделали со мной? И с собой... — произнесла она мысленно.

Внезапно ее шатнуло от окна, прочь из комнаты. Она не понимала или не хотела признаться себе, что понимает силу и смысл толчка, заставившего ее пересечь комнату, отпахнуть дверь зальца, пройти его какими-то странными зигзагами, отражаясь в зеркалах и стеклах высоких дверей, затянутых с другой стороны штофной материей, и замечать себя как сильный росчерк или как смещение цветных плоскостей, красочных пятен, смотря по тому, где отражалась ее высокая, прямая фигура в зеленом, отливающим жемчугом домашнем платье, с гладкой спереди и сильно присборенной сзади юбкой. Пояс с металлической пряжкой помогал прямизне ее чуть сухопарого стана. Она знала, как выглядит, скорее по ощущению своего тела, нежели по зыбким образам, мелькающим в отражаю-

щих плоскостях. Замерев у рояля, она должна была вилотную приблизить лицо к его глянцевитой крышке, чтобы зримо всплыть себе навстречу. Она увидела высокий, чистый лоб, чуть тронутый двумя продольными морщинами, бледные даже под румянцем щеки, узкий, тонкогубый рот, маленькую, усеченную нижнюю челюсть, не соответствующую крупному лицу, и, будто полумаску, темные, широко и спокойно лежащие в затененных глазницах, блестящие и почти незрячие глаза: они были великолепны и спасали, в о з н о с и л и лицо Надежды Филаретовны. Глаза сообщали своей владелице так мало сведений об окружающем мире, что, в восполнение ущерба, в ней достигли удивительной тонкости иные чувства, в первую очередь слух. Конечно, слухом она была одарена от природы, но развила и довела его до нынешней, почти болезненной изопренности не столько даже музыкальными занятиями, сколько постоянным, напряженным вслушиванием в голоса, шумы и шорохи мира и в какой-то ранес

Юрий
НАГИБИН

● МИЛОМУ

не ощущавшийся ею шумовой фон, принимаемый обычным слухом за тишину. В пустоту этой мнимой тишины и насылает свои волны музыка сфер, ее-то и слышала Надежда Филаретовна. Именно слух дал Надежде Филаретовне резкую полноту восприятия жизни. Звуки содержали и рисунки цвет. Фон Мекк, видевшая мир четко окомтуренным и ярко расцветенным лишь в лорнет, — для небооруженных глаз окружающее едва проступало для нее из одноцветного тумана, как на картинах Каррьера, — обретала четкость линий, форм и красок окружающего мира в музыке не умоглядно, а ясным и острым внутренним зрением. Не потому ли она вечно испытывала музыкальную жажду? После смерти мужа и отпадения большинства светских обязанностей она населила музыкой дом, заведя небольшой, но превосходно подобранный оркестр. Он замолкал лишь в часы отдыха, сна и хозяйственных занятий Надежды Филаре-

товны, а в остальное время аккомпанементом сопровождал все, чем был заполнен ее день: чтение, мечты, разговоры с дочерьми и сыновьями, примерку платьев, рукоделие и даже стрельбу из пистолета — занятие, доставлявшее Надежде Филаретовне опять-таки слуховое удовольствие, ибо в цель она никогда не попадала.

С некоторого времени репертуар оркестра, весьма многообразный, резко сохранился: играли чуть ли не одного Чайковского. А в последние дни оркестр вообще замолк; Надежда Филаретовна не могла слышать музыки, кроме тех внезапных страстных и мучительных звуков, которые вырывались вдруг из ее горла или из-под пальцев, которые она как будто пыталась размогнуть о клавиши. И вот сейчас ее пальцы сами потянулись к желтоватой слоновой кости, словно хотели сомкнуться на горле музыки, которая вот-вот родится.

Люблю!.. Истрадавшись и не понимающее себя сердце Надежды Филаретовны мгновенно откликнулось этому слову. Она повернулась к Юлии и растроганно поцеловала ее в лоб. Они были очень похожи друг на друга, но в лице Юлии все черты матери отразились в смягченном, ослабленном виде. И недостатки — подбородок Юлии был круглее, женственней — и достоинства — черные материнские глаза были у Юлии просто красивыми глазами, а не богowymi колодцами.

— Вы здоровы, мама?

— Совершенно здорова... обычные мигрени... — Надежде Филаретовне впервые после смерти мужа захотелось опереться о чью-то руку. — Меня заботит... нет, терзает, мучает судьба Чайковского. — Она громко хрустнула пальцами — вульгарнейший жест, который она не прощала окружающим. — Я места себе не нахожу! — Вы так его любите, мама? — тихо спросила Юлия.

Надежда Филаретовна сжала тонкие губы, но ответила мягко, терпеливо:

ДРУГУ...

Из новой

повести

Нет, только тот, кто знал
Свиданий жажду,
Поймет, как я страдал
И как я стражду...

Слезы прихлынули к глазам. Надежда Филаретовна запрокинула голову и стояла так в позе «Молящейся» Луки Кранаха, пока слезы не отхлынули назад, лишь чуть увлажнив уголки глаз. Шаги в коридоре были, как полет ласточки, и все же Надежда Филаретовна услышала их и мгновенно узнала. Она выпрямилась, уперла голову на долгой, прямой шее и не оглянулась, когда дверь бесшумно отворилась. Снова свист рассекаемого телом птицы воздуха, и худые теплые руки обвилились вокруг ее плеч.

— Мама, простите мое вторжение, но вы пели так горестно, что я... не выдержала... Вы так никогда не пели!.. Что с вами, мама, милая? У вас какое-то горе, поделитесь со мной. Я так люблю вас!..

— Это не та любовь, о которой ты думаешь. Ту любовь я изжила до конца с твоим отцом. — И, говоря так, она была искренна. — Я боготворю Чайковского, преклоняюсь перед ним и жалею его. В той, другой любви надо видеть человека, быть с ним, мне не нужно видеть Чайковского, мне надо лишь знать, что ему хорошо, не страшно, что будет его музыка, дающая мне ни с чем не сравнимое наслаждение. Ему плохо сейчас, я это знаю... сердцем знаю. И ничем не могу помочь ему.

— Он вам писал... что ему плохо? — осторожно спросила Юлия.

— Нет. Последнее письмо пришло две недели назад. Я спрашивала его о Четвертой симфонии, о нашей симфонии... — Голос ее пресекался.

Юлия взяла ее руку и поцеловала. Она с печалью заметила, что нежная, тонкая кожа матери начала грубеть. Губы ее ощутили шершавость. Бедная мама!..

Надежда Филаретовна овладела собой, лишь голос чуть напрягся обузданным волнением.

— Это письмо — самое удивительное и проникновенное из всего написанного о музыке. Я дам тебе прочесть. Оно все о музыке. Ни слова о себе, о своих невзгодах. — Темные глаза ее сверкнули. — Это даже не деликатно в отношении такого друга, как я. Он должен сделать свою боль моей болью, свою муку моей мукой, свою беду моей бедой...

— Но, может быть, вы заблуждаетесь, мама, и ему вовсе не так плохо?

— Я не ошибаюсь, — почти гневно произнесла Надежда Филаретовна. — Я знаю все, что происходит с ним, с такой же точностью, как если б это было со мной.

— Мама, я хотела просить у вас прощения за один разговор... Я была не права. Я дурно думала о господине Чайковском... Наверное, я ревновала вас к нему. Простите, мама. Он достойный, высокопорядочный человек...

Некоторое время назад Чайковский попросил в письме разрешения посвятить Надежде Филаретовне Четвертую симфонию. Они с Юлией вместе читали это письмо, держа его за уголки. «Он посвящает мне Четвертую симфонию!» — вскричала Надежда Филаретовна. «Он просит у вас взаймы, мама!» — холодно заметила дочь, успевшая дочитать письмо до конца. «Я впервые удостоиваюсь такой чести!» «Почему? У вас многие просили взаймы». «Я говорю о симфонии». «А я думала о деньгах». «Вы очень непонятливы, дочь моя. Господин Чайковский оказывает мне величайшее доверие своей пустяковой просьбой и величайшую честь посвящением музыки. А теперь оставьте меня!» Надежда Филаретовна дословно вспомнила тот ничтожный разговор, который не мог ни обидеть, ни задеть ее. Но задела последние слова Юлии: «достойный, высокопорядочный человек». И это о Чайковском!..

— Вы снова ничего не поняли в господине Чайковском, дочь моя! — надменно сказала фон Мекк. — Все эти жалкие слова хороши для обывателей. Господин Чайковский нельзя мерить обычной меркой, он гений!.. — И, на миг обратив к дочери сверкающую тьму прекрасных, почти невидящих глаз, вышла из комнаты.

Земли здесь были бросовые. Фиолетовый кермек остался от тех истронутых степей. Сорвешь на обочину дороги, сорвешь широкий лист кермека, лизнешь его обратную серебристую сторону — соль. Пробуришь скважину — и вода солоня...

Все помнит Анна Яковлевна Калачникова: паливший тот июль, стени Прикумья, скрип телег, плач младенцев, самолеты с черными крестами в белом от зноя небе...

— Я печать с собой забрала, — рассказывала Анна Яковлевна. — Остановились мы на станице Гудермес. Вызывают меня и спрашивают: «Вы председатель Веселовского сельсовета?» Говорю: «Да, я!» «У вас печать осталась. Сдайте ее!» Я было согласилась. А сама думаю: это ж последнее, что осталось у меня. Дочка и печать. Решила: нет, подожду. Слушаю радио. Наши прорвали оборону фашистов в районе Калача. Нет, говорю, теперь не сдам печать. Домой возвращаться пора... Вернулись. Смотреть больно было. Веселый разрушен. Все сгорело. Давай, бабоньки, засучивать рукава — работать. Из других организаций идут ко мне: «Ставь, Анна Яковлевна, печать!» Люди приходили, дивились на эту печать. Жива Советская власть!..

Двадцать лет была она председателем Совета, без малого сорок лет — депутатом. До сих пор, увидев ее на улице, хуторяне обращаются к ней за помощью.

...Николай Михайлович Николаев преподает в местной школе обществоведение и историю. А когда начинает рассказ — все про Маняч, про Веселый:

— Места эти заселялись в пору столыпинщины. Шли сюда безземельные крестьяне из центральных губерний. А украинский говор, бытующий здесь, — от переселенцев из Таврии. Голые, неприглядные стени лежали. Наши деды распахали их, возродили...

Какая-то птичка тревожно носилась вокруг меня: дзвень-дзвень-дзвень! Видимо, здесь, в зарослях люцерна, было укрыто гнездо. Я сидел на крыше большого зеленого моря с секретарем парткома колхоза «Победа» Петром Михайловичем Желязковым. Карие глаза его еще выразительнее на потемневшем от солнца лице.

ХУТОР ВЕСЕЛЬИЙ

Уважаемые посетители «Кабачка 33 с половиной оборота»! Сегодня у нас каждое слово и каждый звук будут пытаться выразить почти невыразимое. Ведь правды, друзья, из огромного множества поэтов, музыкантов и просто нормальных людей, дерзавших как-нибудь определить любовь, только единицам в минуты истинного озарения удалось сделать это. Причем неразделенной, несчастливой любви «повезло» в этом смысле гораздо больше, чем счастливой. Вообще-то это понятно. Счастливые влюбленные, как правило, так заняты собой, что им нет дела до остального человечества...

Что касается меня, я считаю самой пелликой на свете строкой о неразделенной любви вот эту: «Мне грустно и легко, печаль моя светла».

И если сегодня наши песни отзовутся в вашем сердце именно такой грустью и печалью — легкой и светлой, — значит, в них есть нечто от настоящей любви. Однако я вовсе не настаиваю на том, чтобы все вы со мною безоговорочно согласились! Хотя бы по одному тому, что я искренне уважаю ваши собственные убеждения, вкусы и мнения на этот счет.

Ваш Зиновий ГЕРДТ

— А я уже в марте черный, — смеется Петр Михайлович. — Засветило солнышко — люди в поле. А у колхозного «комиссара» работа, известно, не за столом...

Попыхивая «Беломором», Желязков вспоминал, как приехал в эти места. Заговорили о рыбалке на Маныче. Лучшего быть не может! Затем о социалистическом соревновании веселовского колхоза «Победа» с болгарским кооперативом имени 9 Сентября, Плевенского округа, и азербайджанским колхозом имени 26 бакинских комиссаров.

— Недавно только гостей проводили, — говорил Желязков. — Теперь к ним собираемся. Но, чтобы поехать, надо завоевать такое право трудом. Это у нас закон...

Желязков — человек с суровишкой. С председателем они дополняют друг друга. Алексей Александрович Михалкин, как показалось мне, человек не по-председательски мягкий, деликатный. В правлении он знакомил меня с договорами, рассуждал:

— Вот три странички на машинке. Для тех, кто не знает нашего колхоза, это просто отвлеченные цифры. А я вот смотрю и вижу, кто за какую строчку отвечает. Лица людей вижу. Сухие цифры, а сколько труда за ними! И весна, и лето, и ночи, и дни... Что любят веселовцы? — переспросил Михалкин, чуть помолчав, ответил: — Пожидуй, песни. На шестой звуковой странице вы услышите песни, которые написал для хуторян композитор Николай Полисарпов на стихи Сергея Краенкова, и голоса жителей Веселого.

В. ДЕКАБРЕВ

Хутор Веселый, Ростовская область

6

Хлебное море без конца и края, хороводы, красивые, улыбочивые люди — все это донская степь, все это хутор Веселый... Фото П. Лозарева и А. Лидова

На фото:
Арташес Авитян,
Жанна Бичевская

слушайте

в

номере

Кругозор

8 (101) август 1972
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. «Говорит Москва!..» Звуковые документы нашей истории.
2. Монолог о математике Героя Социалистического Труда Йонаса Кубилоса.
3. «Ты помни, что такое КамАЗ...» Песня-репортаж Ю. Визбора о строителях автомобильного гиганта.
4. Шаги к подвигу. Портрет Алексея Береста, рабочего и солдата.
5. Мария Бабанова в новой роли.
6. Вечера на хуторе Веселом. Рассказы хуторян и песни по их заказу.
7. Ван Клиберна говорит и играет для слушателей «Кругозора» «Сонет Петрарки № 123» Листа.
8. Виргилиус Норейка: литовская народная песня «Когда я шел по улице», романс «Я вас любил», ария Каварадосси из оперы Пуччини «Тоска».
9. Композитор Д. Тухманов: «Песня о Москве», «Как прекрасен этот мир».
10. Кубинские ритмы.
11. «Кабачок 33 1/2 оборота». Романс и песни из кинофильмов «Бесприданница», «Рассказ о любви», «Веселые ребята».
12. Анни Корди (Бельгия): «Марш», «Марш шахтеров», «Холодно».

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

**На первой странице
обложки:** рисунок
заслуженного деятеля
искусств Литовской ССР
С. Красаускаса «Урожай»

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
**Технический
редактор**
Л. Е. Петрова

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Адрес редакции:
Москва, 113326,
Пятницкая, 25.
Телефоны редакции:
263-23-16, 263-24-40

Сдано в набор
28 У1 1972 г.
Б 05886
Подписано к печ.
12/У11 1972 г.
Формат
бумаги 60x84 1/12
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 450 000 экз.
Зак. 3181. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

М. ТУРОВСКАЯ

В искусстве есть фамилии, имеющие уже собственный смысл. Тот, кто ее носит, наполняет ее значением и звучанием: Мочалов, Качалов, Уланова... Никто уже не отдает себе отчета, что трагическое слово «Мочалов» восходит к мочалке, а поэтическое «Уланова» происходит от улана. Фонетика обретает новую семантику.

«Бабанова» уже не просто фамилия актрисы, сыгравшей такие-то и такие-то роли. Это — слово. Это образ.

Помню, это было... Нет, уж не помню, в каком это было году. Я еще учился в театральном институте. Мой муж, Борис Медведев, страстный театрал, повел меня познакомиться с Марией Ивановной Бабановой. Шел спектакль «Собаки на сене»... Она вышла одна из актерского подъезда. У подъезда топталась толпа поклонниц, но никто почему-то не решался к ней подойти. Она шла быстро, отчетливо стуча каблукими по тротуару. Мы догнали ее почти у Никитских ворот. Мария Ивановна улыбнулась нам приветливо и отчужденно, что-то сказала своим неправдоподобным мелодичным голосом.

Она не была похожа на актрису, которая только что ошеломляла воображение каскадом причудливых и отчетливых переходов настроения, серебряным блеском своей капризно-строгой игры. Бенефициные овации и восторженные вызовы не оставили на ней следа растроганности или облегченной усталости. Просто лицо ее опустело.

Это было сто раз знакомое лицо знаменитой актрисы и чужое лицо незнакомой женщины, невпопад остановленной на улице. Она хотела остаться одна, и мы оставили ее одну.

Я часто вспоминала об этом почти состоявшемся и почти несостоявшемся знакомстве, смотря Марию Ивановну на сцене, в ролях.

Уже были театральная легендой Стелла из «Великодушного рогоносца», Поливька из «Доходного места», мальчик Гога из «Человека с портфелем», Анка из «Поэмы о топоре», Маша из «После бала». Еще шли и уже ставились «Ромео и Джульетта», «Таня», «Бесприданница», «Сыновья трех рек», «Вишневый сад», «Зыковы», «Убранная жизнь», «Гамлет».

Роли были разные — свои и отдаленные, похожие на целую прожитую жизнь и воп-

ОБЕСПЕЧЕ

А. Гончаров, главный режиссер театра имени Маяковского, предложил мне поставить «Дидюшкин сон». Имелось в виду, что Марию Александровну Москалеву будет играть М. Бабанова. В этой роли вы и видите ее на нижней фотографии.

Мне никогда не приходилось работать с Бабановой, но я прекрасно помнила все ее роли, и она была одной из моих самых любимых актрис. Встречи с ней радовала меня, но и волновала. Она — воспитанница Мейерхольда, я — «мхатовка». Сумеет ли мы наладить творческий контакт?

«Дидюшкин сон» сыграл в моей жизни большую роль. Я очень любила мхатовскую постановку во главе с О. Книппер-Чеховой и Н. Хмелевым, в которой сама много лет играла полковницу Карлушину. Однако время —

НО ЛИЧНОСТЬЮ

На звуковой странице сцена из спектакля «Дядюшкин сон» с комментаторами М. О. Кнебель, Мария Александровна Москалева — М. Бабанова, ее дочь Зинаида — П. Вилькина.

Фото Л. Позарева, М. Чернова

се не похожие на привычные театральные образы — иногда даже на то, что было написано автором, но всегда точно продуманные даже в своих неточностях и всегда, несомненно, бабановские, навсегда и безотшибочно бабановские — кто бы и как бы ни играл их потом.

О ролях Бабановой можно писать книги. Но сверх ролей есть самый неожиданный из образов — образ Бабановой.

Бабановский голос. Бабановская улыбка. Бабановская четкость. Бабановская ошеломляющая внезапность и бабановская почти чертежная точность. Бабановское змыгута полудевочной полуженщины или женщины, которая, познав всю горечь, ярость и силу взрослости, никогда не утратит ее дышней, удовлетворенной собой зрелости. Страшно, но образ этот не меняется во времени. Не потому, что не меняется человек, просто оттого, что его постоянные черты отстоялись и стали знаком, как на гравюре Фаворского, изображающей Бабанову.

Бабанова взрослее своих героинь? Бабанова умнее своего образа? Бабанова индивидуальнее своей сценической индивидуальности? Нет, она, как мало что на сцене, равноценна самой себе. Я бы сказала: бабановской индивидуальности на сцене соответствует бабановская личность в жизни. Между ними стоит знак не равенства, а соответствия. Это далеко не часто бывает: блестящая артистическая индивидуальность может не иметь за собой обеспеченной личности. Личность актера нередко лишь андерсеновская тень его таланта.

ТЕАТР
«КРУГОЗОР»

5

фактор, который мы не всегда оцениваем.

Город Мордасон у Достоевского живет сплетнями, убогими страстями. Но, перечитывая «Дядюшкин сон», мне захотелось сделать не гротескный спектакль, а скорее трагический. Построить его на переосмыслении четырех неудавшихся судеб: матери, дочери, Васи, которого она любит, и умирающего князя, на которого идет «охота». Я пришла к мысли о новой инсценировке, обратилась с этим к П. Маркову, художникам Ю. Пименову, Г. Елишину, композитору Г. Фриду, режиссеру Н. Зверевой — нашей многолетней постановочной бригаде, и мы приступили к работе.

Бабанова производит впечатление личности особенной, ни на кого не похожей. Ее работы не более как разные проекции ее личности. Вы не получите у нее интересное «Мое творческое планш». Она чужда желанию показываться, мелькать. Во времена Чехова сказали бы: в ней вовсе нет актерского каботажства. Для многих имя Бабановой звучит как легенда. Ее появление на сцене всегда событие и всегда сюрприз. Бабанова и Островский. Бабанова и Горький. Бабанова и Шекспир. А теперь еще Бабанова и Достоевский. Ее Москалева опять неожиданностью, как были неожиданностями ее Джульетта и ее Диана. Она верна автору, но еще более верна самой себе.

Мария КНЕБЕЛЬ,
народная
артистка РСФСР

М. И. Бабанова в спектаклях «Таня», «Доходное место», «Нас где-то ждут», «Встреча», «Мария», «Украденная жизнь».

АННИ КОРДИ

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

12

Белдсия

Об Анни Корди говорят: «Ее приятно слушать, а видеть ее на сцене — истинное удовольствие».

Анни Корди органично сочетается в своих концертах многие виды эстрадного искусства — прекрасно поет, хорошо танцует, великолепно разыгрывает пантомимы. Ее сольный концерт — это 25—30 сценно-песенок, где каждую песню мы не только слушаем, но и смотрим как маленькая трехминутная спектакль. Анни Корди переключается моментально и очень точно — ее чувство меры безупречно. Каждая деталь этого мини-спектакля отработана. За молодости, веселой и энергичной легкостью актрисы стоят годы упорнейшего труда.

Анни Корди родилась в 1928 году в Брюсселе, но весь ее творческий путь связан с Парижем, где она дебютировала 19-летней девушкой в ревию «Лидо» и в мюзик-холле «Мулен Руж». Песенку Анни Корди, принесшую ей первый успех, мы, вероятно, знаете: «Ах, Маря всегда мила, всех они с ума свела». Вы вспомните ее, улыбаясь на наших эстрадных страницах.

Анни Корди долгое время выступала на сценах парижских театров. «Каскадный дуэт» Корди — Бурвиль не наш себе равных. Она и сейчас поет в оперетте и часто снимается в музыкальных кинокомедиях. Ее длинный вот уже более 25 лет продолжается артистический успех. Постарайтесь, слушая песни Анни Корди, увидеть эту актрису — легкую, подвижную, постарайтесь увидеть ее веселое лицо, представить, как приглаживает на морозе героини одной из ее песенок, у которой совсем разорвались туфли в которой больше всего на свете хочется иметь теплые сапожки...

Совершенно другому поет Анни Корди «Мария шахтеров». Эту песню она посвятила матерям, женам и невестам белгвийских шахтеров Виллонии. «Мы ждем их, пока они, взяв отбойный молоток и налив каску, спускаются в глубину шахт. Мы ждем их... и мы счастливы, когда после сменя луч солнца появляется на их потных и черных от углей лицах».

Е. ТАРХАНОВА

Цена 1 руб.